

ПОЛИТИКА**Евразийская ось Москва — Пекин:
вызовы и уровни взаимодействия**

© 2022

DOI: 10.31857/S013128120019693-3

Виноградов Андрей Владимирович

Доктор политических наук, МГИМО МИД России, участник научного коллектива проекта «Многофакторный анализ "азиатского поворота" в российской внешней политике (достижения, проблемы, перспективы)» (адрес: 119454, Москва, проспект Вернадского, 76). ORCID: 0000-0001-6080-4463. E-mail: vinogradov-a.v@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 16.11.2021.

Аннотация:

Российско-китайские отношения за последние 20 лет, прошедших после подписания Большого Договора в июне 2001 г., превратились в один из ключевых факторов мирового развития, а их значение в мировой политике, несмотря на активное противодействие Запада, неуклонно повышается. На всех уровнях взаимодействия — двустороннем, региональном и глобальном — они встречаются с серьезными вызовами, однако обоим государствам неизменно удастся находить на них эффективные ответы. По мере обострения китайско-американского соперничества постоянно увеличивается роль России. Не только на уровне двусторонних экономических отношений, но и на глобальном уровне страны демонстрируют взаимодополняемость, что позволяет им решать общие задачи по формированию нового международного порядка и противостоять давлению Запада. Пролонгация Договора не только подтвердила стратегический характер отношений, она открыла новые сферы взаимодействия, в т.ч. идеологического. В условиях углубляющихся противоречий, формирования новых блоков в Индо-Тихоокеанском регионе, направленных на сдерживание Китая, российско-китайское партнерство, не превращаясь в формальный союз, становится все более тесным. Данный вид согласованного и скоординированного взаимодействия крупных государств может быть описан понятием «ось».

Ключевые слова:

Российско-китайские отношения, пролонгация Договора 2001 г., военно-политический союз, ось, идеологический конфликт.

Источники финансирования:

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00142).

Для цитирования:

Виноградов А.В. Евразийская ось Москва — Пекин: вызовы и уровни взаимодействия // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 2. С. 20–33. DOI: 10.31857/S013128120019693-3.

Формирование нового мирового порядка предполагает детальный анализ его структурных элементов. Российско-китайские отношения в последние годы превратились в системообразующую часть современного мира, оказывают влияние на тенденции и характер развития международных отношений, в т.ч. на формирование новых принципов многостороннего взаимодействия. Среди различных форм политического сотрудничества следующим по значению после военно-политического союза является *ось* — согласованное и координируемое взаимодействие крупных государств, обладающих собственными суверенными интересами, наличие и объем которых, как правило, мешает образованию полноценного союза. Ось задает согласованный ритм их непротиворечивому внешнеполитическому движению и выступает стержнем сопряжения, на который могут быть «нанизаны» другие страны и международные институты.

Фактически такой механизм взаимодействия Китая и России уже создан, но продолжает совершенствоваться, вовлекая другие государства и международные форматы. Заинтересованность Москвы и Пекина в создании устойчивого, международно признанного института взаимодействия в современных условиях продиктована не только интересами их национального развития, но и ясным пониманием того, что в условиях высокой турбулентности и обостряющейся международной конкуренции окружающее их пространство может быть организовано другими силами и на других принципах.

Процесс формирования новых альянсов и, как следствие, перекаривание геополитической карты мира набирают ход. К Евроатлантической солидарности (НАТО) добавляется Индо-Тихоокеанская, в которой к Вашингтону и Лондону¹ подключается Канберра (AUKUS). Параллельно идет формирование альтернативной российско-китайской евроазиатской конструкции безопасности на основе ШОС с участием Токио и Нью-Дели (QUAD). Фактор времени в условиях строительства новой региональной архитектуры становится решающим. Если Россия и Китай не продемонстрируют инициативу и настойчивость, не успеют создать широкую международную платформу, весьма вероятно им придется не выбирать, а присоединяться, подчиняясь и принимая чужие правила, или, в случае отказа, мириться с изоляцией. Несмотря на существенный внутренний потенциал, который Китай уже пытается задействовать в рамках стратегии двойной циркуляции², последствия внешнего вызова могут оказаться для него не менее разрушительными, чем для России. В глобальном мире высокая степень взаимозависимости, а тем более глубокая интеграция сдерживают разрыв экономических связей, но и любая изоляция, даже избирательная, секторальная может привести к трудновосполнимым потерям. Пока в отношениях с Западом ни Россия, ни Китай не могут противопоставить соизмеримые по эффективности экономические санкции, которые по-прежнему остаются инструментом сильной стороны. Тем не менее, по сравнению с периодом холодной войны между СССР и США, аналогии с которой в нынешней ситуации уже невозможно избежать, определенные изменения все же произошли. США и Запад в целом уже не так независимы от своих стратегических соперников, хотя по-прежнему обладают набором уникальных конкурентных преимуществ, которые удерживают у них инициативу.

Не только экономическая конкуренция, но и взаимосвязь, значение которой неизмеримо возросло, стали, таким образом, важным показателем глобального мира и дополнили конфронтацию традиционных военно-политических союзов тесным экономическим сотрудничеством. Распространение глобальных производственных цепочек существенно сократило естественную среду и предпосылки для образования биполярности и биполярных блоков — они уже не могут существовать в прежнем, закрытом виде. В результате структура двусторонних и многосторонних отношений существенно усложнилась, линии напряжения более не ориентированы строго по полюсам, а скорее напоминают токи Фуко, только совокупный вектор которых можно представить в виде общей линии противостояния.

Первые тенденции к глобализации были основаны на экспансии и географическом расширении соперничества великих держав и привели в конце концов к мировым войнам. После Второй мировой войны постепенно установившееся взаимодействие в сфере стратегической безопасности открыло возможности для широкого экономического сотрудничества, которое со временем стало доминирующей тенденцией, фундаментом глобализации. В то же время в послевоенном мире сотрудничество в области безопасно-

1. Возможно, окончательным его оформлением стал Брекзит, заменивший неповоротливый, непоследовательный и ненадежный Брюссель более динамичным и внушающим доверие Лондоном.
2. Салицкий А.И. Два контура: Китай ответил на вызовы 2020 г. // *Проблемы Дальнего Востока*. 2021. № 3. С. 48–60.

сти на стратегическом уровне сочеталось с соперничеством на региональном, вызванном необходимостью консолидации своей и присоединением промежуточных зон биполярного мира. Накопление сил на циркумполярном уровне открывало возможности на глобальном. В этой двухуровневой структуре воплощалась логика биполярности — консолидация внутри для противостояния вовне. Поэтому даже сотрудничество великих держав было секторальным, неполным, выступало лишь элементом соперничества, которое отражало доминирующую тенденцию доглобального мира. Глобализация в корне изменила ситуацию и создала среду для широкого практического использования двух стратегий — соперничества и сотрудничества.

В современном мире, таким образом, представлены обе стратегии взаимодействия великих держав: стратегическое сотрудничество России и Китая и стратегическое соперничество — Китая и США и России и США, которые разбиваются на множество ситуационных кейсов. Точно так же, как пока еще трудно представить появление в нынешних условиях всеобъемлющего биполярного противостояния, невозможно представить и формирование полноценных стратегических альянсов с участием глобальных держав. Ни Россия, ни Китай не готовы занять место, аналогичное месту Франции (или даже Великобритании) в возглавляемом США блоке, что, в частности, продемонстрировал отказ Китая от участия в предложенной США в середине 2000-х гг. G2. Это стало показателем если и не состоявшейся многополярности, то более сложной, чем биполярная, конструкции³, участники которой не в состоянии эффективно соперничать с США по отдельности и вынуждены объединиться, чтобы разделить функции.

Военно-политическое сотрудничество России и Китая, которое удовлетворяет признакам оси, в действительности уже было в XX в. В 1950-е гг. Москва считала, что Пекин может нести значительную часть ответственности за соблюдение интересов социалистического лагеря на Дальнем Востоке, что наиболее полно проявилось в войне в Корее, а Москва тем временем может сосредоточить свои усилия в эпицентре мирового противостояния — в Европе и Северной Атлантике. Союзнический договор 1950 г. придавал более высокий юридический статус этим отношениям, но, по сути, содержательно их не менял, поскольку не распространялся за пределы Дальнего Востока — на Европу и Атлантику. Сейчас ситуация изменилась.

С нормализации отношений с СССР в 1989 г., по формуле Дэн Сяопина «перевернуть страницу», Россия начала терять инициативу в выстраивании отношений с Китаем. С этого момента и до сегодняшнего дня они во все большей степени строятся и наполняются смыслом китайской стороной. Страны поменялись местами. Глубинное объяснение причин этой смены состоит в том, что Китай как единственная на сегодняшний день великая держава, действительно владеющая стратегической культурой, сформулировал тот тип отношений, который его устраивает, что хорошо представлено в китайской концепции партнерств⁴. Нынешние российско-китайские отношения пропагандируются КНР как образцовые именно потому, что они построены по китайскому «дизайну».

Как может быть организована и из каких элементов состоять такая ось? Это зависит от механизмов сотрудничества и взаимодействия на трех уровнях: двустороннем, региональном и глобальном, где двусторонний закладывает фундамент, региональный

3. В Китае эту конструкцию по традиции называют треугольной.

4. «Дружественное партнерство», «партнерство добрососедства и взаимного доверия», «конструктивное партнерство», «стратегическое партнерство», «всестороннее стратегическое партнерство» и т.д. См. 李葆珍 结盟、不结盟、伙伴关系: 当代中国大国关系模式的嬗变 [Ли Баочжэнь. Союзные отношения, несоюзные отношения, партнерские отношения: эволюция современной китайской модели отношений с крупными державами] // 郑州大学学报. 2009年. 第2期. С. 43; См. также Мокрецкий А. Ч. Китайская дипломатия в эпоху Си Цзиньпина // *Международная жизнь*. 2019. № 3. С. 30–48.

определяет внутреннюю структуру, а глобальный предполагает разделение функций и ответственности по зонам и сферам во внешней среде и в реальности уже существует по границам и за пределами американских зон влияния.

Структура двусторонних отношений: вызовы и ответы

Двусторонние отношения представляют интерес для каждой из сторон прежде всего с точки зрения взаимовыгодного экономического сотрудничества и обеспечения национальной безопасности. Но как часть системы международных отношений они могут рассматриваться не только с точки зрения интересов сторон, но и с точки зрения их места в современном мире, роли в формировании международного порядка и поиске ответов на глобальные вызовы.

Стало непререкаемой формулой выражение, что наши отношения находятся на лучшем этапе в истории, у нас высокий уровень политического доверия, нет запретных тем. То же самое в еще более категоричных выражениях утверждалось в 1950-е гг., когда советско-китайские отношения характеризовались искренней дружбой и взаимопомощью, что подтверждают не только воспоминания современников, но и показатели экономического сотрудничества. Опровергнуть это невозможно, но и вспоминать не принято. Сегодня период 1950-х гг. в двусторонних отношениях выпал и фактически наряду с конфликтами 1960-х предан забвению на официальном уровне. А эта часть истории особенно важна сейчас, когда мы вновь стоим перед историческим выбором и ведем поиск отношений нового типа. Одна из задач обоих государств — позаботиться о том, чтобы нынешние отношения, которые сейчас так высоко оцениваются, не стали новой фигурой умолчания, чтобы слова Цзян Цзэминя «передать дружбу из поколения в поколение», зафиксированные в Договоре 2001 г., исполнились. Это будет зависеть от того, насколько хорошо наши страны сумеют преодолеть вызовы времени, а они есть.

Во-первых, увеличивающийся разрыв в экономических потенциалах и вытекающая из этого неравноценная структура и значение двусторонней торговли для каждой из стран.

Для ответа на этот вызов у России и Китая есть план действий. В 2020 г. в связи с пандемией товарооборот сократился на 3 %, но в 2021 г. рос опережающими темпами и заметно превзошел стоимостные показатели последних лет, впервые в истории превысив 146 млрд долл. В основе его лежит энергетическое сотрудничество, добыча и переработка природных ресурсов с постепенной диверсификацией и усилением высокотехнологичной составляющей. В 2021 г. состоялась закладка нескольких российских атомных энергоблоков в КНР, Китай участвует в строительстве комплексов СПГ, предприятиях газохимии и газопереработки (Амурский газоперерабатывающий завод и Амурский газохимический комплекс), прорабатываются проекты сотрудничества в водородной энергетике и т.д. Есть взаимная политическая поддержка китайской инициативы «Пояс и Путь» и российского проекта Большого евразийского партнерства. Все эти процессы не стали результатом односторонних уступок, и, значит, предел сотрудничества еще не наступил.

Во-вторых, изменение внешней среды и нарастание конфронтационности в международных отношениях стало серьезным испытанием для российско-китайских отношений.

Для ответа на второй вызов у нас тоже есть объективные предпосылки — географическое положение и экономическая взаимодополняемость, которые определяют национальные интересы и геополитику. На Дальнем Востоке всегда, когда дело касалось международных проблем, Россия и Китай оказывались естественными союзниками, составляли один лагерь, были первопроходцами в поиске новых форм сотрудничества и взаимодействия начиная с 1896 г. Абсолютное большинство противоречий, которые возникали в наших отношениях, были вызваны внутривнутриполитическими проблемами или

идеологическими разногласиями. Решение деидеологизировать отношения способствовало минимизации рисков нового раскола, хотя и не позволяло уже достичь той степени доверия и сотрудничества, которые были в 1950-е гг.

В этой географической близости заключается объективная предпосылка дальнейшего развития российско-китайских отношений, комплементарный характер которых многократно доказала история:

– в развитии экономического сотрудничества и кооперации Дальнего Востока России и китайского Северо-Востока;

– в борьбе с терроризмом и обеспечении стабильности в общем пограничье (в Северо-Восточной и Центральной Азии, включая Монголию и Афганистан). Россия и Китай заинтересованы не только в отсутствии международных конфликтов в регионе, но и во внутренней стабильности соседних государств, способных стать источником гуманитарных проблем, трансграничной преступности и т.д. Это требует поддержки существующих политических режимов и предотвращения «цветных революций»⁵, согласованной позиции в отношении афганских талибов, которую обе страны сейчас стараются выработать.

– в неизменной взаимной поддержке коренных национальных интересов и территориальной целостности. В условиях начавшихся геополитических сдвигов поддержка Россией позиции Китая по Тайваню не может оставаться односторонней, она не вписывается в новую международную ситуацию, на очереди стоит четкая позиция Пекина относительно российской принадлежности Крыма и Курил, которая была ясно зафиксирована в поправках в Конституцию РФ в 2020 г.

В целом, внешнее давление не привело к росту напряженности и размежеванию, а, наоборот, стало фактором сближения по формуле «спина к спине».

В-третьих, поддержание стабильности двусторонних отношений. Современные российско-китайские отношения характеризуются высокой степенью взаимного доверия на высшем уровне. Это, как говорят в Китае, «фундаментальная гарантия стабильности и долговечности». Перефразируя Мао Цзэдуна, пока лидеры двух государств говорят на одном языке, мы можем быть спокойны. В этом состоит отличительная черта новой модели взаимодействия России и Китая, которая характеризует «новую эпоху в отношениях», зафиксированную в июне 2019 г.⁶, и отражает близкую природу наших государств, однотипность их политических режимов.

Однако зависимость отношений между странами от отношений между главами государств это одновременно и плохо, поскольку механизмы институализации таких отношений слабы, отсутствуют прочные гарантии их воспроизводства, создать которые на международном уровне чрезвычайно сложно.

Действующие политические режимы — еще одна, фундаментальная причина, почему российско-китайское сотрудничество маловероятно превратится в долгосрочный формальный союз. Политическая организация Китая и России ни внутри страны, ни тем более во внешнем мире не подразумевает перераспределения власти. Советско-китайский союз был обусловлен признанием неоспоримого авторитета советского руководства со стороны КПК, когда этот авторитет исчез, распался и союз.

5. Ван Чэньшэн, Цзян Хунфэй. Мысли о совместном предотвращении «цветной революции» Китаем и Россией // *Проблемы Дальнего Востока*. 2021. № 5. С. 100–112.

6. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху. 5 июня 2019 г. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413> (дата обращения: 21.03.2021). Было подписано через год после переизбрания В. Путина и Си Цзиньпина главами государств.

На данный момент близкое видение справедливого международного порядка и направлений его эволюции является достаточным условием для формирования оси, гораздо более гибкой формы сотрудничества, чем формальный союз. Во всех этих вопросах для достижения результата необходимо внимательное отношение к интересам партнера и координация усилий на региональном уровне — в первую очередь в «ближнем зарубежье» для России и «сопредельном регионе» для Китая, — которые частично пересекаются и характеризуются разнонаправленными и потому потенциально конфликтными тенденциями — центробежными для России и центростремительными для Китая.

Со второй половины 1990-х гг. во внешней политике КНР произошел поворот, который органично вписывался в экономический рост Китая и поэтому не вызвал опасений в международном сообществе. От политики изоляции Китай перешел к политике партнерств. Соседние государства стали первым объектом новой внешнеполитической стратегии Китая, воплощением которой стал Шанхайский процесс, невозможный на начальном этапе без согласия и активного участия России.

Для Китая это был сущностный поворот, значение которого вскрылось с наступлением кризиса глобализации. По мере роста экономической мощи и глобального влияния сфера интересов Китая расширялась и распространялась на другие регионы. Это изменило содержание и характер взаимодействия на экономическом уровне — от «взаимной выгоды» к «совместному процветанию». По словам Си Цзиньпина, Китай готов предоставить соседним странам возможности и пространство для общего процветания, взять на себя больше ответственности, играть более активную роль и предоставлять больше общественных благ в развитии региона⁷. Сотрудничество в рамках ШОС и с АСЕАН было в Китае согласовано и скоординировано, «сопредельный регион» был расширен до «большого сопредельного региона», к нему были подключены Ближний и Средний Восток, Южная Азия, Африка, Восточная Европа и государства Тихого океана. Инициативе была найдена формула: «Один пояс, один путь»⁸.

На протяжении всего периода усиления экономического и политического влияния Китая Россия была поглощена другими проблемами — ликвидацией последствий геополитической катастрофы, вызванной распадом СССР. Российское участие в урегулировании разнообразных конфликтов на постсоветском пространстве (на Украине, в Казахстане, Закавказье) и в Сирии, борьба с санкциями Запада и т.д. отвлекали значительные силы и ресурсы. Вывод войск западной коалиции из Афганистана переложил ответственность за поддержание стабильности в регионе на региональных игроков. В этих условиях Россия должна принять решение относительно меры и степени своего дальнейшего участия в региональных процессах по обеспечению безопасности, определить относительно бремени, которое она готова взять на себя, что в практическом плане может привести к распределению функций между ОДКБ и ШОС. Китаю в этой связи также необходимо определиться с объемом дополнительной ответственности. Великие державы разрушают не накопленное влияние, что хорошо видно на примере США, а рост ответственности, особенно в периоды нестабильности. Принимая такое решение, Китай не только должен рассчитывать свои силы, но и не может допустить ущемления интересов России.

7. 习近平: 让人类命运共同体的意识在周边国家落地生根 [Си Цзиньпин. Осознание Сообщества единой судьбы человечества должно укорениться в соседних странах] // 人民日报. 26.10.2013.

8. «Один пояс, один путь» — выдвинутое в 2010-х гг. Китайской Народной Республикой (КНР) предложение объединенных проектов «Экономического пояса Шёлкового пути» и «Морского Шёлкового пути XXI в.». *Виноградов А.В.* Китайский проект для Большой Евразии // *Международные процессы*. 2021. Т. 19. № 2 (65). С. 6–20.

Эти сложные проблемы, затрагивающие отношения с третьими странами, у которых нет простого решения, объясняют отсутствие союзнических отношений, но предполагают согласованную позицию.

В целом, на региональном уровне Китай демонстрирует положительную динамику на фоне сокращающегося влияния России и, вероятно, готов решать большинство проблем, в первую очередь экономических, в одиночку. Но на глобальном он пока не может самостоятельно противостоять США и нуждается в поддержке России. В этом, возможно, центральная проблема внешней политики Китая. В мире намечается новое глобальное противостояние, структура которого будет отличаться от старой биполярности, и Китай как нарождающийся центр будет влиять на формирование и определять глобальную повестку. Но есть и другая тенденция, которая в последнее время оказалась скрыта глобальными процессами. Мир фрагментируется и идет к многополярности. Роль и влияние Китая будут определяться этим, региональным, уровнем, практически более значимым, формирующим надежный тыл глобального соперничества. У России исключительно важная роль в обоих процессах и, соответственно, направлениях китайской внешней политики.

Российско-китайское стратегическое сотрудничество на глобальной арене

Новые вызовы человечеству — обеспечение кибербезопасности, борьба с изменением климата, пандемией COVID-19 и т.д. — впервые в истории требуют объединения усилий всех стран. Однако стратегический характер проблем, объективно требующих взаимодействия, не означает высокого уровня сотрудничества. Глобальные вызовы и угрозы усложнили структуру международных отношений, за которой неизбежно последует изменение всей системы. Ускорению этого процесса способствует форсированное геополитическое размежевание, которое косвенно свидетельствует о том, что решение глобальных проблем не будет совместным, в нем будут проигравшие и победители.

Как и у стратегического соперничества, у стратегического сотрудничества тоже существуют ограничения: неизбежно наступает этап перераспределения добытых совместными усилиями благ⁹. Оно может быть финальным, подводящим черту под периодом сотрудничества, а может быть промежуточным, для корректировки совместных усилий. Этому условию полностью соответствует прекращение действия трех предыдущих российско-китайских договоров. В подписании Договора в 2001 г. не было особой «прозорливости» дипломатических ведомств¹⁰, якобы предвидевших, что будет через 20 лет. Договоры фиксируют текущее состояние, соблюдаются и уходят в историю, когда вступают в противоречие с действительностью. В отличие от договоров 1896, 1945 и 1950 г.¹¹ продление Договора в 2021 г. свидетельствует о том, что такой момент еще не наступил, он впервые прошел проверку временем и дал новый ракурс для оценки современного состояния российско-китайских отношений, анализа их проблем, перспектив и, главное, роли в мире.

В Китае и России признают, что за прошедшие 20 лет ситуация в мире кардинально изменилась. Изменились не только международная среда, но и совокупная госу-

9. Коллективная выгода распределяется неодинаково. *Gruber L. Ruling the world: power politics and the rise of supranational institutions.* Princeton: Princeton University Press, 2000. P. 31.

10. *Габуев А.* Домашнее задание на китайском фронте // *Коммерсант.* 15.07.2021.
URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4900093> (дата обращения: 25.11.2021).

11. *Денисов И., Лукин А.* Коррекция или хеджирование // *Россия в глобальной политике.* 2021. № 4.
URL: <https://globalaffairs.ru/articles/korrekcziya-i-hedzhirovanie/> (дата обращения: 25.11.2021).

дарственная мощь Китая и России относительно друг друга¹², т.е. созрели условия для того, чтобы зафиксировать новый баланс сил, что неизбежно привело бы к понижению доверительности отношений¹³. Однако изменения договорных отношений в 2021 г. не произошло. Два обстоятельства, как представляется, помешали обсуждать такое развитие событий в практическом плане.

Во-первых, стратегический характер сотрудничества. Цели, которые стояли перед Россией и Китаем, не были достигнуты. Напротив, усиливающееся давление Запада подчеркивало нерешенность стратегических задач и необходимость укрепления взаимодействия. Большой Договор, таким образом, нашел для своего продолжения новые убедительные основания. Попытка адаптировать его к новым условиям и зафиксировать изменения в теле Договора могла отразить смену весов и отношений, но одновременно ослабить единство перед внешним миром. Усиление геополитической неопределенности сыграло важную роль в судьбе Договора 2001 г., его продление давало время для поиска эффективного совместного ответа.

После того как на рубеже 1990-х гг. геополитика вернулась в международные отношения, появилась возможность использовать соответствующие исторические аналогии. Геополитическое соперничество всегда отражало наступление критической точки на графике истории, каждый такой случай в силу своей исключительной важности достаточно хорошо изучен. Ближайшая аналогия современному состоянию мира — это канун Второй мировой войны, когда геополитические амбиции Третьего рейха связали Восток и Запад Европейского континента, объединив их в ситуационный союз. И сегодня, в глобальном мире предпосылки для союзнических отношений возникают там, где отсутствуют взаимное давление и есть взаимное притяжение и доверие. Россия и Китай оказались естественными союзниками, которых сплачивает географическая близость, успешное развитие двусторонних отношений и внешнее давление, исходящее из одного центра.

Во-вторых, продолжающийся переходный период в развитии системы международных отношений. Его доминирующими тенденциями являются как появление новых вызовов и факторов неопределенности, так и усиление конфронтации и углубление разделительных линий. В последнее время отличительной чертой последней тенденции становится ее институализация. Главная задача в этих условиях — сохранить стратегический характер сотрудничества, чтобы иметь возможность совместно влиять на изменение ситуации.

Важнейшим внешним фактором, который влияет на развитие российско-китайского взаимодействия, является борьба США за сохранение американоцентричного миропорядка. Раньше главными возмутителями спокойствия США считали, как и положено в однополярном мире, периферийные государства Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки. Только при администрации Д. Трампа произошло окончательное признание фундаментального характера угроз американской гегемонии, исходящих от Китая. За 20 лет Китай стал экономической сверхдержавой и самым фактом своего существования нарушил сложившийся после 1991 г. Pax Americana. Во внешнеполитических документах администрации Д. Трампа стало прямо указываться, что Китай является главным стратегическим противником США. Прямым следствием начавшегося геополитического соперничества стал поиск дополнительных внешних ресурсов для противо-

12. См., например, 冯玉军: «如何处理今天的中美俄三边关系» [Фэн Юйцзюнь. Как урегулировать китайско-американо-российские трехсторонние отношения] // 世界知识. 2019. 第12期.

13. Именно об этом статья А. Лукина и ее широкое обсуждение на Западе. См: Lukin A. Have We Passed the Peak of Sino-Russian Rapprochement? // *The Washington Quarterly*. 2021. Vol. 44. No. 3. Pp. 155–173.

действия — за счет увеличения числа союзников, образования новых коалиций и повышения их организационных форм.

Все это привело к необходимости перегруппировки сил, свертыванию их на второстепенных направлениях и концентрации на главных. Проявлением такого подхода стал вывод войск из Афганистана и создание в дополнение к старым новым коалиций (AUKUS, QUAD), направленных в первую очередь против Китая. В значительной степени американские инициативы стали реакцией на китайские инициативы в экономической сфере, в т.ч. в регионах, традиционно представлявших опасность и неподконтрольных США. Выход из ТТП в 2017 г. и отсутствие новых интеграционных планов у новой администрации Дж. Байдена свидетельствуют о том, что у США отсутствует потенциал для создания новых трансрегиональных, а тем более глобальных экономических объединений, приоритетом становится североамериканская интеграция, не экономическая конкуренция, а военно-политическое сдерживание. Разительное отличие от американских амбиций и проектов десятилетней давности¹⁴.

Китай превратился в локомотив экономического развития и глобализации, что особенно ярко проявилось в международной поддержке «Пояса и Пути». Одновременно растет привлекательность его модели развития, эффективность которой в период пандемии получила широкое признание. Об этом уже открыто говорят в Китае, называя свою модель «цивилизацией нового типа»¹⁵ и пропагандируя собственный проект мироустройства — «Сообщество единой судьбы человечества»¹⁶. Китай недвусмысленно и все более явно бросает вызов гегемонии США во всех областях, кроме военной. В этой ситуации ему жизненно необходим мощный союзник.

Оказалось, что никто, кроме России, на эту роль не подходит. По геополитическим и экономическим причинам война всегда была важным инструментом американской внешней политики, которым Вашингтон активно и эффективно пользовался. Россия исторически принимала участие во множестве крупномасштабных военных конфликтов, как правило, выходила из них победителем и не боится войны. В биполярном мире эти позиции сформировали единый дискурс, который позволил заключить серию соглашений о поддержании стратегического паритета и который сохраняется в российско-американских отношениях до сих пор. Ситуация на Украине показала, что США признают русские «красные» линии.

Если только Россия может уравновесить геополитического соперника Китая, то особый характер взаимоотношений с ней автоматически делает ее и фактором, и участником китайско-американских отношений. Россия, таким образом, приобретает особую роль в глобальной стратегии Китая, которая намного превосходит геоэкономическую, соответствующую примерно 2 % товарооборота КНР. За счет военного потенциала Россия смогла вклиниться в намечающуюся биполярность и, компенсируя слабость Китая, повысить свое значение в мире.

14. *Рогов С.М., Шариков П.А., Бабич С.Н., Петрова И.А., Степанова Н.В.* Доктрина Обамы. Властелин двух колец // РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/doktrina-obamy-vlastelin-dvukh-kolets/> (дата обращения: 16.11.2021).

15. Коммюнике 6-го пленума Центрального комитета Коммунистической партии Китая // *Синьхуа*. 11.11.2021. URL: http://russian.news.cn/2021-11/11/c_1310305235.htm (дата обращения: 26.11.2021). Растет и интерес к китайской политической модели. См.: *Виноградов А.В., Рябов А.В.* Политические системы постсоветских стран и Китая в процессе межсистемной трансформации: попытка сравнительного анализа // *Полис. Политические исследования*. 2019. № 3. С. 69–86.

16. По словам Си Цзиньпина, она уже оказывает серьезное влияние на соседние государства. URL: http://russian.news.cn/2018-04/23/c_137131515.htm (дата обращения: 10.12.2021).

Раз за разом демонстрируя свой геополитический потенциал, Российская Федерация берет на себя важную миссию: она не дает США сосредоточиться на сдерживании Китая. Из далекого, еще биполярного прошлого она все время бросает Западу вызовы. Так было в 2008 г. в Грузии, в 2014 г. — в Крыму, в 2022 г. — на Украине. В результате Китай каждый раз получает отсрочку, оказываясь за контуром непосредственного противостояния, продолжая накапливать силы, учиться и устранять недостаток опыта в ведении международных дел.

В отношениях с Китаем ситуация иная. Китай всегда избегал войн, отдавая предпочтение другим внешнеполитическим инструментам для защиты своих интересов. На каких условиях им будет найдено равновесие с США пока не ясно, но ясно, что США тестировали и будут тестировать Китай на предмет его готовности к силовому решению проблем в регионе.

Длительное время рассматривался вопрос о вероятности вооруженного столкновения Китая и США в ЮКМ и в связи с Тайванем. Напряжение нарастало, но не привело к вооруженному обострению и, не имея выхода, стало «расширяться», вовлекая новых участников. Провозглашение Соединенными Штатами Индо-Тихоокеанского региона означало не просто привлечение новых союзников и расширение географического ареала противостояния. Увеличение числа участников изменило масштаб — из регионального оно выросло до мегарегионального, по сути квазиглобального уровня. В противостояние стали втягиваться крупные, влиятельные и очень разные страны. Оформление коалиции такого масштаба требует общего, не ситуационного, а фундаментального основания, которое подчеркивало бы стратегический характер сотрудничества. Институализация идеологического противостояния на глобальном уровне началась на Саммите демократий 9–10 декабря 2021 г.¹⁷, придав ему системный характер и существенно сократив возможности для компромисса. Китай, таким образом, как в свое время СССР, получил полный набор характеристик стратегического соперника.

Наметившийся идеологический конфликт, казалось, окончательно похороненный крахом коммунизма в СССР, с одной стороны, фиксирует принципиальные различия Востока и Запада, с другой — подчеркивает единство России и Китая, позволяя каждой из сторон ослабить взаимные подозрения в возможной сепаратной нормализации отношений с Западом. В условиях нарастающей всеобъемлющей конфронтации формируется ощущение экзистенциальной неразрывности безопасности России и Китая, а это, действительно, больше, чем ситуативный военно-политический союз, «больше чем союзники»¹⁸.

Совместное российско-китайское заявление от 4 февраля 2022 г., начинающееся с рассуждений о демократии, демонстрирует исторический смысл пролонгации Договора, наполняет его новым содержанием и закладывает фундамент сотрудничества, более глубокий и прочный, чем экономические взаимосвязи и геополитические интересы. Большую роль в этом сыграли западные страны, которые, противопоставляя демократию автократии, создали условия для сближения России и Китая на новой платформе.

У наметившегося идеологического раскола в нынешних условиях может быть еще более глубокое по историческим последствиям продолжение. По независящим от внешней политики причинам сейчас формируется принципиально новый тип технологической цивилизации. Создание собственной технологической платформы и соответ-

17. The Summit for Democracy // *US Department of State*. February, 2021. URL: <https://www.state.gov/summit-for-democracy/> (дата обращения 30.12.2021).

18. Заявление представителя МИД КНР Ван Вэньбиня. В Пекине прокомментировали слова Путина об отношениях с Китаем // *РИА Новости*. 22.10.2021. URL: <https://ria.ru/20211022/kitay-1755763431.html> (дата обращения: 22.10.2021).

вующей ей общественной парадигмы, в формировании которой Китай продвинулся уже довольно далеко, по своим последствиям может быть сравнимо с разделением мира по религиозному принципу и многократно усилить цивилизационный компонент современных международных отношений. Скорость научно-технического прогресса настолько велика, что уже невозможно определить горизонт последствий происходящих изменений. Процесс осложняется ускоряющимся дряхлением США, на протяжении десятилетий выступавших образцом общественного развития, мировой константой, игравшей центральную роль в системе международных отношений и определявшей архитектуру мира.

От того, с кем будет сотрудничать Россия в формировании стандартов цифрового общества, будет зависеть будущее российской цивилизации. Участие в предстоящих технологических альянсах, вероятно, можно сравнить по последствиям с принятием Россией православия, проложившего ей путь в европейскую цивилизацию. Происходящие изменения открывают для нее новые перспективы: из пассивного наблюдателя и исторического статиста она вновь получает шанс выйти на авансцену мировой истории, подтвердить свою особую миссию.

Противостояние по линии Восток—Запад всегда было не только политическим, но также культурным и идеологическим, а поэтому наиболее значимым для России. После краха биполярной системы и исчезновения идеологической конфронтации его место заняло противоречие Север—Юг, существовавшее в рамках капиталистической экономической системы, а после 1991 г. распространившееся на остальной мир. Россия как проигравшая сторона по умолчанию оказалась в лагере Юга, но не ощущала к нему внутренней принадлежности и пыталась вернуться из этой, низшей экономической в высшую геополитическую лигу, инициировав, в частности, создание БРИКС¹⁹. Так она вновь примерялась к роли создателя исторических смыслов.

Появление идеологической составляющей в отношениях России и Китая с Западом реанимирует противостояние по оси Восток—Запад. Признание обеими сторонами идеологического характера противоречия высоко функционально, способствует внутренней консолидации и не только сближению позиций, но и организационному укреплению. Словно упреждая появление новых сфер сотрудничества, в начале 2021 г. министр иностранных дел КНР Ван И заявил о безграничном потенциале улучшения и совершенствования российско-китайских отношений²⁰.

В условиях обостряющейся международной обстановки Россия и Китай невольно обращаются к истории и видят в ней ту близость, которая помогла бы им и сейчас. Последовавший через 10 лет после заключения военно-политического союза в 1950 г. идеологический конфликт привел к разрыву союзнических отношений, но не смог разорвать глубокую внутреннюю связь, обусловленную общим общественно-политическим строем. Именно поэтому в 1989 г. во время визита М. Горбачева в Пекин были нормализованы отношения не только между государствами, но и между партиями.

Распад СССР исключил самую возможность увидеть новый союз двух держав. Отношения с Россией в этих условиях, не отягощенные идеологическими принципами и союзническими обязательствами, стали сугубо прагматичными, продиктованными взаимными экономическими и политическими интересами. Российско-китайский договор 2001 г. зафиксировал их привилегированный характер, но, одновременно, и жела-

19. Виноградов А.В. Диалоговый формат БРИКС и его роль в становлении многополярного мира // *Сравнительная политика*. 2014. № 1. С. 47–52.

20. 王毅: 中俄战略合作没有止境, 没有禁区, 没有上限 [Ван И. У китайско-российского стратегического сотрудничества отсутствуют конечная линия, запретные зоны и верхняя граница] // 外交部. 02.01.2021. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/web/wjbjzhd/t1844069.shtml> (дата обращения: 16.10.2021).

ние не конфликтовать с США и пользоваться открывшимися возможностями для экономического роста.

Для российских элит дальнейшему сближению с Китаем препятствовали идеологические различия. Коммунистическая идеология, которая раньше объединяла, теперь развела. Нужно было время, чтобы ситуация изменилась. Международная ситуация многое делает в этом направлении, но главное происходит в Китае. Современный Китай сильно отличается от советских представлений о социализме и все больше воспринимается в России как модель успешного развития, в которой могут найти свое место и российские элиты.

* * *

Китай уловил, овладел и использует ведущую сейчас тенденцию исторического развития, в результате чего все глобальные и региональные кризисы на протяжении последних 25 лет оборачиваются для него усилением позиций, а для Запада — сокращением влияния. Россия нашла себе место в этой тенденции — она на стороне Китая, хотя и не может еще претендовать на равный с ним исторический статус. Украинский кризис 2022 г. негативно отразится не только на экономике России, но и на экономике Запада, по-прежнему зависимой от глобального Юга, в первую очередь поставщиков углеводородов — Ирана, Венесуэлы и др., и только опосредованно затронет Китай. И эта тенденция имеет все шансы сохраниться на ближайшую перспективу.

До тех пор, пока Запад считает Россию своей непосредственной, географически близкой угрозой, он не сможет приступить к борьбе со стратегической угрозой — Китаем. Китай в этих условиях заинтересован в сохранении Россией своего экономического потенциала и обороноспособности и будет в меру сил их поддерживать, и продолжать пользоваться возникшей стратегической паузой, готовясь к решающему этапу противостояния с США. Тесное взаимодействие без формальных обязательств — лучшая политика в этих условиях.

Литература

- Ван Чэньшэн, Цзян Хунфэй.* Мысли о совместном предотвращении «цветной революции» Китаем и Россией // *Проблемы Дальнего Востока.* 2021. № 5.
- Виноградов А.В.* Диалоговый формат БРИКС и его роль в становлении многополярного мира // *Сравнительная политика.* 2014. № 1.
- Виноградов А.В.* Китайский проект для Большой Евразии // *Международные процессы.* 2021, Т. 19. № 2 (65).
- Виноградов А.В., Рябов А.В.* Политические системы постсоветских стран и Китая в процессе межсистемной трансформации: попытка сравнительного анализа // *Полис. Политические исследования.* 2019. № 3.
- Денисов И., Лукин А.* Коррекция или хеджирование // *Россия в глобальной политике.* 2021. № 4. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/korrekcziya-i-hedzhirovanie/> (дата обращения: 25.11.2021)
- Коммюнике 6-го пленума Центрального комитета Коммунистической партии Китая // Синьхуа. 11.11.2021. URL: http://russian.news.cn/2021-11/11/c_1310305235.htm (дата обращения: 26.11.2021).
- Мокрецкий А.Ч.* Китайская дипломатия в эпоху Си Цзиньпина // *Международная жизнь.* 2019. № 3.
- Рогов С.М., Шариков П.А., Бабич С.Н., Петрова И.А., Степанова Н.В.* Доктрина Обамы. Властелин двух колес // *ПСМД.* URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/doktrina-obamy-vlastelin-dvukh-kolets/> (дата обращения: 16.11.2021).
- Салицкий А.И.* Два контура: Китай ответил на вызовы 2020 г. // *Проблемы Дальнего Востока.* 2021. № 3.
- Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху. 5 июня 2019 г. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413> (дата обращения: 21.03.2021).

- Gruber L. Ruling the world: power politics and the rise of supranational institutions. Princeton: Princeton University Press, 2000.
- Lukin A. Have We Passed the Peak of Sino-Russian Rapprochement? // *The Washington Quarterly*. 2021. Vol. 44. No. 3.
- 王毅: 中俄战略合作没有止境, 没有禁区, 没有上限 [Ван И. У китайско-российского стратегического сотрудничества отсутствуют конечная линия, запретные зоны и верхняя граница] // 外交部. 02.01.2021. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/web/wjzbzd/t1844069.shtml> (дата обращения: 16.10.2021).
- 李葆珍: 结盟、不结盟、伙伴关系: 当代中国大国关系模式的嬗变 [Ли Баочжэнь. Союзные отношения, не союзные отношения, партнерские отношения: эволюция современной китайской модели отношений с крупными державами] // 郑州大学学报. 2009年. 第2期.
- 习近平: 让人类命运共同体的意识在周边国家落地生根 [Си Цзиньпин. Осознание Сообщества единой судьбы человечества должно укорениться в соседних странах] // 人民日报. 26.10.2013.
- 冯玉军: 《如何处理今天的中美俄三边关系》 [Фэн Юйцзюнь. Как урегулировать китайско-американско-российские трехсторонние отношения] // 世界知识. 2019年. 第12期.

POLITICS

Moscow-Beijing Eurasian Axis: Challenges and Levels of Engagement

Andrey V. Vinogradov

Dr.Sc. (Political Science), member of research team «Multivariate analysis of the "Asian turn" in Russian foreign policy (achievements, problems, prospects)», MGIMO University (address: 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-6080-4463. E-mail: vinogradov-a.v@mail.ru.

Received 16.11.2021.

Abstract:

Over the 20 years that have passed since the signing of the Treaty of Friendship in June 2001, Russian-Chinese relations have become one of the key factors for global development. Despite the active opposition of the West, their importance to world politics is steadily increasing. At bilateral, regional and global levels of interaction Russia and China face serious challenges, but both states invariably manage to find effective responses to them. As the Sino-American rivalry intensifies, Russia's role is constantly increasing. Russia and China demonstrate complementarity at bilateral economic level as well as at a global level, that allows them to meet common challenges to establishing new international order and withstand the pressure of the West. The extension of the Treaty both reaffirmed the strategic nature of the relationship and opened new areas of engagement, including ideological ones. Amid deepening contradictions and formations of new blocs in the Indo-Pacific region aimed to contain China, Russian-Chinese interaction is becoming increasingly interdependent without becoming a formal alliance. It can be described by the concept of axis, i.e. a form of close and coordinated interaction of major nations.

Key words:

Russian-Chinese relations, extension of the 2001 Sino-Russian Treaty, military-political alliance, axis, ideological conflicts.

Funding sources:

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project No. 19-18-00142).

For citation:

Vinogradov A.V. Moscow-Beijing Eurasian Axis: Challenges and Levels of Engagement // *Far Eastern Studies*. 2022. No. 2. Pp. 20–33. DOI: 10.31857/S013128120019693-3.

References

- Denisov I., Lukin A. Korrektsiya ili hedjirovanie [Correction or Hedging]. *Rossija v global'noi politike*. 2021. No. 4. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/korrekcziya-i-hedzhirovanie/> (accessed: 25.11.2021). (In Russ.)
- Gruber L. Ruling the world: power politics and the rise of supranational institutions. Princeton: Princeton University Press, 2000.

- Kommiunike 6-go plenuma Tsentralnogo komiteta Kommunisticheskoi partii Kitaia [Communique of the 6th Plenum of the Central Committee of the Communist Party of China]. *Xinhua*. 11.11.2021. URL: http://russian.news.cn/2021-11/11/c_1310305235.htm (accessed: 26.11.2021). (In Russ.)
- Lukin A. Have We Passed the Peak of Sino-Russian Rapprochement? *The Washington Quarterly*. 2021. Vol. 44. No. 3.
- Mokretskiy A.Ch. Kitaiskaia diplomatiia v epokhu Xi Jinpinga [Chinese diplomacy in the era of Xi Jinping]. *Mezhdunarodnaia zhizn'*. 2019. No. 3. (In Russ.)
- Rogov S.M., Sharikov P.A., Babich S.N., Petrova I.A., Stepanov N.V. Doktrina Obamy. Vlastelin dvukh kolets [The Obama doctrine. The Lord of the Two Rings.]. *RSMD*. URL: <https://russianscouncil.ru/analytiks-and-comments/analytiks/doktrina-obamy-vlastelin-dvukh-kolets/> (accessed: 16.11.2021). (In Russ.)
- Salitskii A.I. Dva kontura: Kitai otvetil na vyzovy 2020 g [Two circuits: China's response to 2020 challenge]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2021. No. 3. (In Russ.)
- Sovmestnoe zayavlenie Rossiiskoi Federatsii i Kitaiskoi Narodnoi Respubliki o razvitiu otnoshenii vseobiemlyushchego partnerstva i strategicheskogo vzaimodeistviia vstupyushchikh v novuyu epokhu 5 iyunia 2019 g [Joint Statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on the development of comprehensive partnership and strategic cooperation entering a new era. June 5, 2019]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413> (accessed: 21.03.2021). (In Russ.)
- Vinogradov A.V. Dialogovyi Format BRICS i ego rol' v stanovlenii mnogopol'yarnogo mira. [The BRICS dialogue format and its role in the formation of a multipolar world]. *Sravnitel'naya politika*. 2014. No. 1.
- Vinogradov A.V. Kitaiskiy proekt dlya Bol'shoi Evrazii. [China's Project for Greater Eurasia]. *Mezhdunarodnye processy*. 2021. Vol. 19. No. 2 (65).
- Vinogradov A.V., Ryabov A.V. Political systems of post-Soviet countries and China in the process of inter-system transformation: an attempt of comparative analysis. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2019. No. 3. (In Russ.).
- Wang Chensheng, Jiang Hongfei. Mysli o sovmenstnom predotvraschenii «tsetvnoi revolyutsii» Kitaem i Rossii [Thinking about Jointly Preventing the “Color Revolution” by China and Russia]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2021. No. 5.
- 王毅: 中俄战略合作没有止境, 没有禁区, 没有上限 [Wang Yi. The Sino-Russian strategic cooperation has no end line, no restricted zones and no upper border]. 外交部. 02.01.2021. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/web/wjbzhd/t1844069.shtml> (accessed: 16.10.2021). (In Chin.)
- 李葆珍: 结盟、不结盟、伙伴关系: 当代中国大国关系模式的嬗变 [Li Baozhen. Alliance, Non-alignment, Partnership: The Transmutation of Contemporary China's Great-power Relationship Model]. 郑州大学学报. 2009年. 第2期. (In Chin.)
- 习近平: 让人类命运共同体的意识在周边国家落地生根 [Xi Jinping. Let the Consciousness of a Community of Human Destiny Take Root in Neighboring Countries]. 人民日报. 26.10.2013. (In Chin.)
- 冯玉军: «如何处理今天的中美俄三边关系» [Feng Yujun. How to Resolve Sino-American-Russian trilateral Relations]. 世界知识. 2019年. 第12期. (In Chin.)